

DOI: 10.15372/HSS20200206
УДК 397+398(=1.470=512.1)

В.А. БУРНАКОВ

ОБРАЗЫ МЫШИ И КРОТА В ФОЛЬКЛОРЕ И ВЕРОВАНИЯХ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX В.)

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

В статье представлена характеристика образов мыши и крота в традиционном мировоззрении хакасов. Основу исследования составили фольклорно-этнографические материалы, в том числе архивные, впервые вводимые в научный оборот. Проанализирована хакасская лексика, связанная с указанными животными, прослеживается их семантика. Выявлено, что в традиционных воззрениях мышь и крот имели хтоническую природу, поскольку вся их жизнедеятельность тесно связана с землей и подземным пространством. На традиционные представления об этих животных влияние оказали их внешний вид, объемы тела, особенности поведения. Причем образ мыши наделен негативными характеристиками, в отличие от крота, образ которого преимущественно связан с положительной символикой.

Ключевые слова: хакасы, мировоззрение, обряды, фольклор, животные, хтонизм, мышь, крот, образ, символ.

V.A. BURNAKOV

IMAGES OF MICE AND MOLES IN FOLKLORE AND KHAKAS BELIEFS (LATE XIX – MID XX CENTURIES)

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The aim of the work is to characterize the images of the mouse and mole in the traditional worldview of the khakas. To achieve this goal, the following tasks were solved: identifying their image in folklore, determining their significance in the ritual practice of the people in question. The chronological framework of the work covers the end of the XIX – the middle of the XX centuries. The choice of such time limits is due to the state of the source database on the topic of the study. The main sources are folklore, linguistic and ethnographic materials. Archival materials are introduced into scientific circulation. The work is based on the methodological principles of historicism. Historical and ethnographic methods are used – relic and semantic analysis. The linguistic technique – etymology is applied. The study revealed that in the Khakas worldview, the mouse and mole were symbolically significant animals. They were given a special place in folklore and in the traditional beliefs of the people. It was revealed that in the culture of this people they belonged to the category of chthonic creatures. All the vital activity of the animals in question is closely connected with the earth and the underground space. Along with this, their mythological characteristics were greatly influenced by the morphology and volumes of their bodies, as well as the features of their zoological behavior. The negative perception of the mouse image in the khakas culture was due to its mythological connection with the underworld, as the abode of the dead, as well as its biological characteristics. According to the beliefs of the people, the animal in question was not only directly related to the evil spirits, but was often perceived as their embodiment. According to popular beliefs, the mouse's malevolence manifested itself in real harm caused by its dwelling, household buildings, utensils, and clothing, as well as the destruction of food supplies and mystical desecration, which, according to popular belief, entailed illness and death of domestic animals and people themselves. The image of the mole in oral folklore and Khakas beliefs, contrary to its chthonic nature, had a positive connotation. They believed that the mole has access to secret knowledge and has mystical power; therefore this animal has a role in the system of shamanistic views.

Key words: Khakass, worldview, rite, folklore, animals, chthonism, mouse, mole, image, symbol.

Венарий Алексеевич Бурнаков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: venariy@ngs.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Venariy A. Burnakov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционные представления о животных являются неотъемлемой частью культуры каждого народа. Их изучению посвящено немало трудов отечественных этнографов (см., напр.: [1; 2; 3; 4]). Рассмотрены роль и функции животных, а также их образы в мифологии и обрядовой системе многих народов. Проанализирована их символика в культуре. Интерес к роли мира животных в жизни человека и общества стал основанием в западной научной среде для формирования на рубеже XX–XXI вв. так называемых *Animal studies* – междисциплинарной области науки, объединяющей искусствоведов, антропологов, биологов, историков, психологов, филологов, философов и других специалистов, которые пытаются осмыслить систему взаимоотношений человека и мира животных в прошлом и на современном этапе [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Следует отметить что традиционные представления хакасов о роли фауны все еще остаются в этнографии слабо освещенной темой. Между тем в мировоззрении и обрядности хакасов важное место отводится животным, в том числе тем, которые тесно связаны с землей и подземным пространством. К ним относятся пресмыкающиеся, земноводные, а также представители отряда грызунов: мышинных, кротовых и пр. В хакасской этнографии образы мыши и крота еще не становились объектом специального изучения. Цель данной работы – дать характеристику образов мыши и крота в традиционном мировоззрении хакасов.

МЫШЬ – КҮСКЕ

Как известно, мышьеобразные грызуны (хак. мн. *күскелер*) особенно такой ее вид, как домовая мышь (хак. *иб күскезі*), на протяжении многих веков неизменно являются постоянными спутниками человека. По зоологической классификации это животное относится к синантропным видам, поскольку тесно связано с людьми. Мышь является одним из частых обитателей жилых домов и хозяйственных строений. Она питается всеми доступными ей видами пищи, в том числе теми, которые произведены людьми. Это позволило человеку регулярно и на протяжении длительного времени наблюдать за нею и ее биологическим поведением. В результате были накоплены обширные знания о мыши. Отметим, что в традиционной культуре они имели как рациональный, так и иррациональный характер. Поэтому не случайно образ рассматриваемого животного получил широкое распространение в верованиях и фольклоре хакасов.

В мировоззрении рассматриваемого народа символика мыши весьма разнообразна. Семиотическое поле животного во многом детерминировано его зоологической спецификой [17, с. 190]. Мышь имеет небольшие размеры тела, характеризуется особой подвижностью, юркостью и скрытностью. Она обладает своеобразной беспокойной натурой, что в немалой степени обусловлено огромным количеством ее

врагов в природе. В целом указанные качества мыши привели к формированию типичных представлений о ней, как о слабом, пугливом и незащитном существе. Данные взгляды в несколько завуалированном виде обнаруживаются и в хакасских поговорках [18, с. 28; 19, с. 354; 20, с. 262, 281; 21, с. 31].

В традиционных представлениях мышь воспринималась не только как физически слабое животное, но еще и как существо с малыми умственными способностями [19, с. 214].

В хакасском фольклоре констатируется миролюбивый и безобидный характер мыши. Выделяются такие ее положительные качества, как усердие и трудолюбие, ярко проявляемые в процессе добывания пищи. Соответствующие черты ее образа обнаруживаются, например, в этиологической мифе «Совет зверей и птиц» и в сказке «Суслик и мышка» [22, с. 129; 23, с. 61]. Известна способность мыши создавать свои гнезда (*күске іні*) практически в любом месте, где она может поместиться – под землей, среди камней, в полостях деревьев и т.д. Зоологическая специфика, позволившая ей обитать в обширной и разнообразной природной среде, несомненно, свидетельствует о ее высоких адаптационных возможностях. В мифологическом сознании хакасов данное свойство воспринимается как большая жизненная сила грызуна. В кумулятивной сказке «Кто сильнее», изложенной в форме диалога, такой масштабный ландшафтный объект, как гора, вынужденно признает невероятную силу этого маленького зверька, так как не может ему противостоять [23, с. 61].

Вездесущность, ловкость и пронырливость мыши, ее постоянное курсирование между земным и подземным пространством, все эти реалии способствовали тому, что в традиционном мировоззрении хакасов ее образ наделяется чертами медиатора. Обозначенные качества чрезвычайно сближают мышь с конем – одним из самых распространенных образов животных, часто осуществляющих функцию мифического посредника между мирами. В связи с этим не случайно в народных загадках мышь, как и некоторые другие грызуны, отождествляются именно с конем [24, с. 240; 25, с. 62].

Основная биологическая деятельность мыши (как и других животных) заключается в добывании пищи и воспроизводстве потомства. Это находит отражение в хакасском фольклоре. В сказочных произведениях «Мышь и лягушка» [23, с. 56–59] и «Мышь и воробей» [24, с. 390–391] рассматриваемое животное характеризуется как умелый добытчик пищи, крепкий домохозяин и до поры до времени – примерный семьянин. При этом обращается внимание на то, что рачительность этого грызуна в определенный момент переходит в жадность. И это даже может привести к глобальному конфликту между зверями и птицами [24, с. 390–391].

Образ мыши, как олицетворение неустойчивой устремленности к накоплению материальных благ и тесно связанной с этим процессом алчности, пред-

ставлен в сказке «*Öksis ool* – ‘Сирота-парень’». В ней сообщается о том, что умершие родители проклинают своего сына – хана и его супругу за то, что те нарушили их покой и преступили грань многих этических норм. Все указанные проступки были совершены ими из-за неумеренной жадности и тяги к обогащению. В результате магического воздействия проклятья те превращаются в дятла и мышь, которые в мифологических представлениях зачастую наделяются этим непритягательным человеческим качеством [23, с. 423].

В традиционном сознании хакасов склонность мыши к безмерному и тайному потреблению съестных припасов человека сформировала мнение о ней, как паразитирующем существе с ярко выраженной воровской натурой [19, с. 220; 26, с. 72].

В фольклоре хакасов мышь из-за ее вездесущности, чрезмерного любопытства, всеядности и прожорливости описывается не только как большой знаток всех пищевых, но еще и редких – лекарственных растений. В сказании о богатырке Паян Хыс имеется сюжет, согласно которому героиня внимательно наблюдает за поведением намеренно раненой ею мыши. Она выяснила, что животное, в течение короткого времени отыскав целебный корень и поглотив его, вскоре выздоравливает. Паян Хыс, последовав примеру мыши, съедает выявленное лечебное растение и тут же исцеляется [22, с. 159; 27, с. 658].

В общественном сознании универсальной и закономерной является ассоциация осени с вызреванием плодовых растений и как результат – всеобщим изобилием растительной пищи. Естественным следствием этого, как известно, выступает факт пополнения продуктового запаса не только человеком, но и всеми животными и птицами. И мышь в этом отношении не стала исключением. Наблюдение за ее поведением в такой период нашло отражение в поговорке: «*Küsküde küske dee nai polçaң*» – ‘Осенью даже мышь становится богатой’ [20, с. 264, 284]. При этом следует отметить, что в культуре хакасов данная мысль не только образно характеризует соответствующий природный цикл и его конкретные проявления. В прошлом это утверждение имело еще практическое значение. В традиции хакасов только в неурожайные голодные годы было принято выискивать и вскрывать мышьиные и иные кладки. Забирали луковицы сараны и прочие съедобные корни, а также зерна, чтобы пополнить продовольственные запасы людей. Такой процесс сбора в народе назывался *тамахтирга* – ‘запасаться пищевыми припасами’. Заметим, что подобный способ добывания пищи в экстремальной ситуации был распространен и среди других сибирских народов, в частности у бурят [28, с. 96]. Сведения об этой практике сохранились в устном народном творчестве хакасов [23, с. 723].

Традиционный календарь хакасов объединяет двенадцатилетний цикл – *мүчел*. Согласно этой системе исчисления, каждый год символизирует определенное животное. Все двенадцать животных расположены в определенной последовательности. В число

таких избранных представителей фауны, олицетворявших непрерывную хронологическую связь, вошла и мышь. Причем в народе год мыши традиционно характеризовался как «хороший и теплый» [29, с. 195]. Заметим, что в представлениях хакасов человек, рожденный в том или ином году, наделялся характерными врожденными свойствами, сопоставимыми с типичными качествами животных. Считалось, что они во многом определяют психологический склад человека и даже его судьбу. Полагали, что люди, рожденные в год мыши, будут рачительными хозяевами [30, с. 18].

Вместе с тем, в мировоззрении и практической деятельности хакасов мышь чаще всего воспринимается в негативном ключе. Были убеждены, что она несет человеку беды, болезни и голод. Данные представления имели реальные исторические основания. Периодически случавшийся в прошлом в Хакасии резкий рост популяций и миграций мышей и прочих грызунов порой приводил к катастрофическим последствиям в сельском хозяйстве [31, с. 85; 32, с. 16].

Малозаметность мыши как вредителя и скрытый характер ее вредоносной активности стали причиной того, что в религиозно-мифологическом сознании хакасов она стала восприниматься как воплощение нечистой силы. В народе ее чаще обозначают терминами *айна* или иногда – *үзүт*. Поэтому не случайно считалось, что увидеть во сне мышь означало встретиться со злым духом *айна* или шаманским духом-*төс’ом* [33, с. 178]. Сюжеты, связанные со злым духом, способным превращаться в мышь, распространены в хакасском фольклоре.¹

Одним из определяющих факторов, способствовавших причислению мыши к существам, имеющим непосредственное отношение к демонической силе, а нередко – их воплощению, была ее тесная связь с землей и подземным пространством [25, с. 60, 116]. Необходимо заметить, что в традиционном мировоззрении хакасов животные, обитающие в подземном и водном пространствах, наделялись сверхъестественными и нередко опасными свойствами. В фольклоре встречаются сюжеты, когда злые духи, подобно мышам, проникают в жилища людей из-под земли через подполье [24, с. 388]. В одном из апокрифических мифов, очевидно, заимствованном от русских, сообщается, что в период мирового потопа дьявол превратился в мышь и пробрался в ковчег. В нем грызун попытался проделать дырку, чтобы погубить всех, кто находился на судне. Однако осуществить задуманное злодеяние не позволила кошка – она вовремя поймала и съела его [17, с. 190; 24, с. 274–276].

В религиозно-мифологических представлениях хакасов некоторые последствия вредоносной деятельности мыши устойчиво ассоциировались с предвестием смерти или сокращением срока жизни кого-либо. Главным образом это касалось ситуации, когда мышь прогрызала одежду конкретного человека. Проды-

¹ АМАЭС ТГУ № 681-1. Этнографическая экспедиция в Таштыпский район ХАО, июль 1975 г. Тетрадь 1. Л. 34.

рвлянное подобным образом одеяние в народе воспринималось как оскверненное. Данное злонамеренное действие (*чабал ыранарга*), как полагали, таило опасность для хозяина такой вещи. Считалось, что такой человек в скором времени заболеет или умрет. Поэтому следовало незамедлительно нейтрализовать вредное воздействие. В связи с этим хакасы проводили специальный обряд [34, с. 70].

В традиционном сознании хакасов мышь, будучи поганым и нечестивым существом, распространяла указанное свойство на все, с чем соприкасалась. Попадание мыши в различные емкости с пищевыми продуктами, особенно уже готовых к употреблению людьми, напрямую отождествлялось с осквернением. Их незамедлительно выбрасывали [31, с. 192].

Таким образом, образ мыши получил широкое распространение в фольклоре и верованиях хакасов. Многие ее мифологические характеристики были обусловлены ее биологическими особенностями. В традиционных представлениях народа это животное преимущественно воспринималось в негативном контексте.

КРОТ – ОЙДА ТАМАС

В мировоззрении хакасов крот входит в категорию хтонических животных. В отличие от мыши, его семантическое поле не столь обширно и разнообразно, что может быть объяснено «некоторой отдаленностью» от людей. Несмотря на это, его образ все же представлен в верованиях и фольклоре рассматриваемого народа.

Как известно, вся жизнедеятельность крота непосредственно связана с подземным пространством. Это его постоянное место обитания. Крот устраивает в нем логовище с запутанной и разветвленной системой проходов. На земной поверхности он появляется крайне редко, за исключением отдельных его видов. Это нашло отражение в хакасской загадке: «*Күн көрбес Көрбетей* [собств. имя] (*ойда тамас*)» – ‘Көрбетей, который [никогда] не видит солнца (крот)’ [26, с. 73]. Указанную особенность его биологического поведения хакасы интерпретировали как неодолимый страх и трепет маленького подземного обитателя перед величественной небесной святыней – Солнцем. Они говорили: «Крот боится солнца, потому выходит из норы только по ночам» [27, с. 648].

Обращает на себя внимание и то, что анатомическое строение тела крота приспособлено к подземному образу жизни. Он обладает вытянутым и округлым туловищем, покрытым густым, ровным и бархатистым мехом. Особого внимания заслуживают его передние лапы. Они имеют лопатообразную форму и вывернуты наружу так, чтобы было удобно рыть перед собой землю и отбрасывать ее назад. Эту особенность хакасы считают основным маркирующим признаком крота, что нашло отражение в самом его наименовании: *ойда тамас* – букв. ‘вывернутая лапа’, *төдир азах / тискер азах* – букв. ‘вывернутая нога’ [19, с. 297, 585, 625, 659].

В хакасском фольклоре в отношении крота нередко приводятся следующие образные характеристики: «существо, не имеющее глаз», «маленькое существо, никуда негодное», «добродушный крот» [24, с. 211]. Например, в сказке «Орел» описываются такие его положительные качества, как доброта, заботливость и предупредительность. Согласно сюжету, горделивый орел проигнорировал рекомендацию крота воздержаться от строительства гнезда на дереве, корни которого полностью сгнили. Царь птиц посчитал ниже своего достоинства получать какие-либо советы от слепого и ничтожного, по его мнению, подземного животного. В результате из-за своей гордыни орел потерял свою семью. Однажды дерево вместе с гнездом рухнуло и насмерть придавило орлицу с птенцами. Повествование завершается констатацией того факта, что крот, обитая под землей, вместе с тем владеет знаниями, недоступными для многих других существ [24, с. 211].

Согласно верованиям хакасов, крот обладает не только обширными знаниями о том, что происходит под землей, но и некими тайными знаниями. В фольклоре сообщается о том, что к нему, как к мудрецу, обращаются животные с различными вопросами. Например, в мифе «Совет птиц» крот поведал всему пернатому царству тайну о том, как раздобыть огонь [22, с. 131].

В религиозно-мифологических представлениях хакасов и других тюркских народов Южной Сибири крот как подземное существо входит в круг ближайших помощников владыки Нижнего мира – Эрлик-хана [35, с. 212]. Совершенно не случайно это животное широко использовалось в шаманских практиках. В хакасской традиции было принято изготавливать культовые изделия *төс*, выполнявшие различные функции: покровительственную, охранительную, промысловую, лечебную и др. По внешнему оформлению, материалу изготовления и масштабам *төс’ы* были чрезвычайно разнообразны. Они имели антропоморфный, зооморфный и иной вид, причем как реалистичные, так и весьма условные. Среди них встречался кротовый *төс*. Он представлял собой цельную высушенную тушку этого животного [36, с. 126].

Итак, в культуре хакасов кроту придавалось немаловажное значение. Его образ представлен в фольклоре, причем преимущественно в положительной коннотации. Биологические особенности этого животного способствовали его включению в культовую практику хакасов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В мировоззрении хакасов мышь и крот являлись символически значимыми животными. Им отводилось особое место в фольклоре и в традиционных верованиях. В религиозно-мифологическом сознании эти животные относились к категории хтонических существ, поскольку вся их жизнедеятельность была тесно связана с землей и подземным пространством. На их ми-

фологические образы большое влияние также оказали размеры их тела, особенности поведения. В связи с этим в воззрениях хакасов образ мыши наделялся такими качествами, как активность, вездесущность, скрытность, осторожность, жадность, прожорливость и др. Негативное восприятие образа мыши в культуре хакасов объясняется ее мифологической связью с подземным миром как обителью мертвых. Согласно народным верованиям, мышь не только имела прямое отношение к враждебным духам, но нередко и сама являлась их воплощением. Считалось, что злонамеренность мыши, проявлялась как в реальном ущербе, причиняемом его жилищу, хозяйственным постройкам, утвари, одежде, в уничтожении пищевых запасов человека, так и в мистическом плане – в осквернении. А это имело своим следствием болезни и смерть домашних животных, случалось, и самих людей.

Образ крота в устном народном творчестве и верованиях хакасов, вопреки его хтонической сущности, не носил столь ярко выраженной отрицательной характеристики, как мыши. Наоборот, он воспринимался в качестве существа добродушного, предупредительного и мудрого. Верили, что крот имеет доступ к тайным знаниям и обладает мистической силой. Убежденность в этом способствовала включению его образа в систему шаманизма.

Носители традиционной культуры, в том числе хакасы, проживая в тесном контакте с природой, стремились познать ее законы и определить свое место в ней. Повседневная жизнь человека была неотделима от процессов познания окружающего мира. Одним из ключевых объектов этой деятельности был мир животных, который нашел отражение в устном народном творчестве. Сопоставляя качества животных со свойствами человеческой природы, люди постигали не только окружающую природу, но и свой внутренний мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1990. 622 с.
2. Соколова З.П. Животные в религиях. СПб., 1998. 288 с.
3. Гуря А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. 912 с.
4. Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. 448 с.
5. *Gubernatis Angelo de.* Zoological Mythology or the Legends of Animals. L., 1872. 472 p.
6. Morey D.F. & Wiant M.D. Early Holocene domestic dog burials from the North American Midwest // *Current Anthropology*, 1992. Vol. 33 (2). P. 225–229.
7. Pollock M.S., Rainwater C. *Figuring Animals: Essays on Animal Images in Art, Literature, Philosophy and Popular Culture.* Publisher: Palgrave Macmillan, 2004. 304 p.
8. Aftandilian D. What are the Animals to Us?: Approaches from Science, Religion, Folklore, Literature, and Art. Univ. of Tennessee Press, 2007. 343 p.
9. Reinhard K.J., Ambler J.R., & Szuter C.R. Hunter-gatherer use of small animal food resources: Coprolite evidence // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2007. Vol. 17 (4). P. 416–428.
10. Losey R.J., Bazaliiskii V.I., Garvie-Lok S., Germonpré M., Leonard, J.A., Allen A.L. et al. Canids as persons: Early Neolithic dog and wolf burials, Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30 (2). P. 174–189.
11. Representing the modern animal in culture / ed. by Jeanne Dubino, Ziba Rashidian, and Andrew Smyth. N. Y., 2014.
12. Francesca Lugli. Mongolian nomads and their dogs // *The Intangible Elements in Ethnoarchaeological Research*, 2016. Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 125–139.
13. Baulo A.V. The Old Man of a Sacred Town?: Ancient and Recent Representations of a Bear-like Deity // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2016. Vol. 44 (2). P. 118–128.
14. Baulo A.V. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018. Vol. 46(3). P. 122–128.
15. Badmaev A.A. Chthonic Animals in the Traditional Buryat Culture // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018. Vol. 46(4). P. 94–99.
16. Burnakov V.A., Burnakov A.A. Remnants of the Snake Cult Among the Khakas (Late 19th to Mid 20th Century) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2019. Vol. 47/2. P. 122–130.
17. Топоров В.Н. Мышь // *Мифы народов мира.* М., 1988. Т. 2. С. 190.
18. Так в Сибири говорят. Красноярск, 1964. 91 с.
19. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
20. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. Абакан, 2008. 376 с.
21. Старших будешь слушать, долгими будут дни твои. – Улугнын чоогын иссен, узада күнни көрөрсиз. Абакан, 2004. 32 с.
22. Несказочная проза хакасов. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 34).
23. Хакасские народные сказки. Новосибирск: Наука, 2014. 769 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 33).
24. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
25. Мудрое слово (Хыйга сөс). Хакасские пословицы, поговорки и загадки. Абакан, 1976. 127 с.
26. Доможаков В.И. Хакасские загадки // *Зап. ХакНИИЯЛИ.* Абакан, 1951. Вып. 2. С. 60–84.
27. Попов Н.А. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // *Из. ИРГО.* СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 645–659.
28. Бадмаев А.А. Образы основных животных водно-подземного мира в традиционной бурятской культуре // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. № 4 (46). С. 94–99.
29. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей. Абакан, 1996. 224 с.
30. Бутанаев В.Я. Хакасский гороскоп. Абакан, 1991. 32 с.
31. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898. 298 с.
32. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 61 с.
33. Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006. 197 с.
34. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.
35. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // *Сборник Музея антропологии и этнографии.* М.; Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
36. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л., 1979. 195 с.

REFERENCES

1. Tokarev S.A. Early forms of religion and their development. Moscow, 1990, 622 p. (In Russ.)
2. Sokolova Z.P. Animals in religions. Saint-Peterburg, 1988, 288 p. (In Russ.)
3. Gura A.V. Symbols of animals in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997, 912 p. (In Russ.)
4. Vinokurova I.Yu. Animals in the traditional worldview of Veps (reconstruction experience). Petrozavodsk, 2006, 448 p. (In Russ.)
5. *Gubernatis Angelo de*. Zoological Mythology or the Legends of Animals. L., Trübner & Co., 1872, 472 p.
6. Morey D.F., & Wiant M.D. Early Holocene domestic dog burials from the North American Midwest. *Current Anthropology*, 1992, vol. 33, no. 2, pp. 225–229.
7. Pollock M.S., Rainwater C. Figuring Animals: Essays on Animal Images in Art, Literature, Philosophy and Popular Culture. N. Y., Palgrave Macmillan 2004, 304 p.
8. Aftandilian D. What are the Animals to Us?: Approaches from Science, Religion, Folklore, Literature, and Art. N. Y. Univ. of Tennessee Press, 2007, 343 p.
9. Reinhard K.J., Ambler J.R., & Szuter C.R. Hunter-gatherer use of small animal food resources: Coprolite evidence. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2007, vol. 17, no. 4, pp. 416–428.
10. Losey R.J., Bazaliiskii V.I., Garvie-Lok S., Germonpré M., Leonard J.A., Allen, A. L. et al. Canids as persons: Early Neolithic dog and wolf burials, Cis-Baikal, Siberia. *Journal of Anthropological Archaeology*, 2011, vol. 30, no. 2, pp. 174–189.
11. Dubino J., Rashidian Z., and Smyth A. (eds.) Representing the modern animal in culture. N. Y., Palgrave Macmillan, 2014, 255 p.
12. Lugli F. Mongolian nomads and their dogs. *The Intangible Elements in Ethnoarchaeological Research*, Cham, Springer International Publishing Switzerland, 2016, pp. 125–139.
13. Baulo A.V. “The Old Man of a Sacred Town”: Ancient and Recent Representations of a Bear-like Deity. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, no. 2, pp. 118–128.
14. Baulo A.V. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, no. 3, pp. 122–128.
15. Badmaev A.A. Chthonic Animals in the Traditional Buryat Culture. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, no. 4, pp. 94–99.
16. Burnakov V.A., Burnakov A.A. Remnants of the Snake Cult Among the Khakas (Late 19th to Mid 20th Century). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, no. 2, pp. 122–130.
17. Toporov V.N. Mouse. *Mify narodov mira*. Moscow, 1988, vol. 2, p. 190 (In Russ.)
18. Khovratovich B. (comp.) So in Siberia: proverbs and sayings of the peoples of Siberia, Krasnoyarsk, 1964, 90 p. (In Russ.)
19. Subrakova O.V. (ed.) Khakass-Russian Dictionary. Novosibirsk, 2006. 1114 p. (In Russ., Khakass)
20. Butanaev, V.Ya., Butanaeva, I.I. World of Khongor (Khakass) folklore. Abakan, 2008, 376 p. (In Russ., Khakass)
21. You will listen to the elders, your days will be long. Abakan, 2004, 32 p. (In Khakass, Russ.)
22. Achitaeva L.K. et al. (comps.) Fairy-tale prose of the Khakass people. Novosibirsk, 2014, 540 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 34). (In Russ., Khakass).
23. Sadalova T.M. (ed.) Khakass folk tales (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 33). Novosibirsk, 2014, pp. 585–587. (In Russ., Khakass)
24. Katanov N.F. Adverbs of Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (samples folk literature of Turkic tribes issued V.V. Radloff). Saint Peterburg. 1907, vol. 9, 640 p. (In Russ.)
25. A wise word. Collection of Russian folk proverbs, sayings and puzzles. Abakan, 1976, 128 p. (In Russ., Khakass)
26. Domozhakov V.I. Khakass riddles. *Zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*, vol. 2. Abakan, 1951, pp. 60–84. (In Khakas., Russ.)
27. Popov N.A. Beliefs and some customs of the Kachin Tatars. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 1884, vol. 20, no. 6, pp. 645–659. (In Russ.)
28. Badmaev A.A. Images of the main animals of the water-underground world in the traditional Buryat culture. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2018, vol. 46, no. 4, pp. 94–99. (In Russ.)
29. Butanaev, V.Ya. Traditional culture and life of the Khakass: Manual for teachers. Abakan, 2004, 224 p. (In Russ.)
30. Butanaev, V.Ya. Khakass horoscope. Abakan, 1991, 32 p. (In Russ.)
31. Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinsk and Achinsk natives. Krasnoyarsk, 1898, 298 p. (In Russ.)
32. Adrianov A.V. Essays of the Minusinsk region. Tomsk, 1904, 61 p. (In Russ.)
33. Burnakov V.A. The spirits of the Middle world in the traditional worldview of the Khakas people. Novosibirsk, 2006, 197 p. (In Russ.)
34. Butanaev V.Ya. Burkhanism of Turks in Sayano-Altai. Abakan, 2003, 260 p. (In Russ.)
35. Ivanov S.V. On the issue of the meaning of the symbols on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altai highlands. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Moscow, Leningrad, 1955, vol. 16, pp. 165–264. (In Russ.)
36. Ivanov S.V. The Sculpture Altai, Khakases and Siberian Tatars (XVIII – the first quarter of XX century). Leningrad, 1979, 195 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.02.2020

Дата рецензирования 25.02.2020

Статья принята к публикации 30.03.2020